

УДК 911.375:159.922.2

ХРОНОТОП В СОВРЕМЕННОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю.В.Преображенский

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Понятие хронотоп анализируется с точки зрения его отношения к географии. Предлагается типология хронотопов. Рассматривается восприятие городов как хронотопов.

***Ключевые слова:** хронотоп, социокультурное направление в исследовании города, литературоведение, социально-географическое пространство города, социальное пространство, разнообразие городской среды*

Хронотоп как понятие достаточно глубоко вошёл в дискурс филологов [18, 20], философов [7], в меньшей степени социологов [6] и, например, маркетологов [9]. Тем не менее, данное понятие, казалось бы, близкое культурной географии, по-прежнему «выталкивается» из «чистого» географического дискурса. Рассмотрим различия в условном пространстве, в котором существуют хронотопы, с реальным географическим пространством, а также связи между ними.

Как можно видеть, термин состоит из двух греческих корней, отсылающих ко времени и пространству соответственно. Фактически хронотоп является субъективно выделяемой пространственно-временной ячейкой для определённого действия. Другими словами, хронотоп представляет собой своего рода наложение отрезка времени на участок пространства. Границы ни того, ни другого, как правило, не определены или весьма расплывчаты. Выделим признаки, на основе которых можно составить типологию хронотопов.

Во-первых, речь может идти о хронотопах в действительности существующих или выдуманных. И даже больше: действие может разворачиваться в реальном пространстве, но выдуманном времени, или, наоборот, реальном времени, но выдуманном пространстве.

Во-вторых, по хронологическому признаку можно выделить «топосы» разной размерности (трёх-четырёх порядков). Топосы первого порядка будут связаны с пространствами, в наибольшей степени характерными для этноса (природной зоной, крупной рекой). Одним из таких хронотопов можно считать Урал, чья особенность состоит в том, что «никакие другие горы, кроме Уральских, в мифологии не содержат

семантики глубины» [5, с.18]. Для отечественного искусства второй трети XX века актуален хронотоп Арктики (см., например, [8]).

Топосы второго порядка равнозначны городу (или, например, большому замку, как в одноимённом романе Ф.Кафки). Для зарубежной литературы достаточно устойчивым хронотопом является остров. При этом, «чем меньше остров, тем легче фантазии насытить его пространство самыми удивительными происшествиями» [13, с.112]. Топосы третьего порядка соответствуют местам общественного пространства: рынкам, ипподромам, проспектам. Наконец, можно выделить топосы, ограниченные стенами квартиры, двором. Здесь можно говорить, к примеру, о топосе дачи: «Образ дачи появляется ещё у А. С. Пушкина, именно он задаёт тон игривого восприятия дачи как лёгкого времяпрепровождения» [2, с.12].

Описать хронотопы первого и второго порядка – задача объективно более сложная, чем описать «камерный» хронотоп, это различие сродни разнице бюджета на съёмку батальной сцены в кино и театральной постановкой. Именно здесь во многом проявляется мастерство писателя (см. табл. с примерами).

В-третьих, временные рамки также могут достаточно широко варьировать. Описываемые (в тексте) события могут произойти в любой день в течение нескольких десятилетий (срок, за который ничто не выдало бы точный год, например, появление фотографии, электричества и пр.), а могут произойти только в совершенно конкретный. (Вспомним спор в романе В.Набокова «Пнин» по поводу конкретной даты начала сюжета «Анны Карениной» на основе событий в газете, которую читает Облонский (23 февраля 1872 года).

Т а б л и ц а

Примеры временных и территориальных рамок хронотопа в литературе

Хронотоп	Произведение	Размерность	Время
Лесостепная зона (р)	«Мертвые души»	I-го порядка	неопределённо (р)
Дом Плюшкина (р)		IV-го порядка	в пределах XIX века (р)
Планета «Радуга»	«Далёкая Радуга»	I-го порядка	Рубеж XXI-XXII вв.
Хармонтская зона	«Пикник на обочине»	III-го порядка	Конец XX в.
Средиземноморье	«Одиссея»	I-го порядка	II тысячелетие до н.э.
Дублин (р)	«Улисс»	II-го порядка	16 июня 1904 года

(р) – реальность хронологического или хронологического аспекта хронотопа

Отметим, что хронотоп сохраняет свою структурную целостность только в пределах определённого отрезка времени, после чего он трансформируется или перестаёт являться хронотопом. Для историков культуры такие трансформации во многом представляют объект исследования. А в литературоведении хронотоп является ценным только в его связи с разворачивающимся действием, как фон для героя, и без последнего малоинтересен.

Следующий, четвёртый, признак, который можно выделить, связан с проработанностью хронотопической ячейки. Здесь многое зависит от формы её репрезентации. Кино обладает большими возможностями в этом смысле, по сути, сама эта проработка может во многом определять его успех. В связи с этим можно отметить тенденцию появления в последние годы сериалов с глубоким, детально прорисованным природным, социально-бытовым, культурным фоном.

В целом следует говорить о связных (вертикально или горизонтально) хронотопах, определяя то место, которое один занимает по отношению к другим хронотопам. Рассматривая последовательность хронотопов (в литературе или кино) становится очевиден её линейно-узловой характер, характерный и для действительной («натурной») организации общества. Очень упрощенно его можно показать как цепочку «диалог (в одних декорациях) – перемещение – диалог (в других декорациях) – перемещение – и т.д.». При этом хронотопы разного порядка могут сменять друг друга. Так, движение Чичикова по лесостепной зоне (хронотоп I-го порядка) сменяется его сделками с помещиками в их имениях (хронотопы IV-го порядка),

Характерным для отечественной литературы хронотопом может служить место, которое всегда только приближается, но никогда не таки не становится полноценным хронотопом, поскольку лишено смысла, «конечного вектора социальной динамики» [3, с.26]. Более того, место оказывается «не способно прирастать, но лишь воспроизводить себя» [3, с. 24]. В конечном счёте хронотоп размывается настолько, что приходится говорить о метаместе и метавремени, – мифологических категориях.

В искусстве хронотопы трансформируются по законам, определяемым автором произведения, они доступны не для «собственно» географического анализа, а для анализа географических представлений автора. «...Литературный текст конструирует идеальное символическое пространство» [1, с. 98].

Понятие хронотопа приводит в замешательство географа своей видимой простотой: есть субъект (герой, актер) и есть хронотоп как своеобразная кулиса. Привычный геосистемный подход здесь редуцируется до простых отношений, индивида нужно оценивать по

культурно-бытовому контексту его происхождения и развития. Отсюда намерение расширить понятие хронотопа, сделать его полноправным участником в связке «актёр-декорация». Но в этом процессе хронотоп как бы вбирает, поглощают действующих лиц, становится с ним одним целым.

В определённой степени можно считать, что и объекты реального мира могут быть оценены с позиции их хронотопических особенностей. Особенно показательным это на примере города. Превратившийся в конце XIX–начале XX века из точечного объекта в площадной, во вместилище городского пространства, город теперь можно уподобить лабиринту, муравейнику, театру, супермаркету, библиотеке, рекламной вывеске – и все метафоры будут уместны, все представляют лишь лица города. В данном случае рассматривается социальное пространство города, образованное, по А.А.Ткаченко, «...территорией города, объектами городской среды и системой реализуемых в этой среде социально-пространственных связей» [16, с.4].

При этом если социологи исследуют некое абстрактное, воображаемое пространство, то географам интересна территория города, «социальное пространство как особый срез реального географического пространства» [16, с.5]. В первом случае следует говорить о социальном пространстве (города), во втором – о социально-географическом, «привязанном» к территории.

Городской хронотоп существует в пространстве первого вида, он во многом схож с понятием образа города, под которым понимают «...сложный конгломерат представлений увиденных, почувствованных, услышанных или полученных по информационным каналам.» [12, с.15]. Как отмечает В.Г.Туркина, «...город существует в двух ипостасях: ... как реальность, воплощенная в камне, в формате овеществленных пространственных решений, и как предмет рефлексии в пространстве мышления, субъектом которой становятся те, кто осваивает город и выстраивает его культурный ландшафт у себя в представлении, памяти» [17, с.125]. Город становится неотделим от культурного слоя, который считывается только теми, кто имеет определённый ключ к соответствующей информации.

Современный город, представляя собой целый конгломерат хронотопов более низкого порядка (3-го и 4-го), неоднороден в горизонтальном и вертикальном порядке. Фактически можно говорить о некоем осевом хронотопе, относительно которого «разворачивается» остальной город. Таким осевым хронотопом может быть старое ядро города в виде кремля, река и мосты через неё.

Генезис городов, отметим, связан как с особенностями экономико-географического положения, так и характеристиками ландшафта. Наиболее удобное положение города – на природных рубежах контрастности. Специфика современного хронотопа

оказывается детерминированной физико-географическими особенностями пространства.

Внутреннее разнообразие городского социально-географического пространства возрастает с каждым днём, что связано как с появлением новых форм услуг, досуга и отдыха (которые во многом сами по себе формируют собственные хронотопы (см., например, [11]), так и естественным процессом увеличения плотности объектов и событий. Этот процесс связан с процессом фрагментаризации городской среды [14].

Изменения в социально-географическом пространстве ведут к изменениям в абстрактном социальном пространстве, которое «дробится». Так, усиливается своего рода гетеротопность современного города, как горизонтальная, так и сложносоставная («матрёшечная»). Согласно теории когнитивной урбанистики, которую развивает А.В.Крашенинников, «городская среда состоит из дискретных частей, как по восприятию, так и по методу создания: микро-пространство соответствует «пузырю» персонального общения; мезо-пространство охватывает видимую и интерактивную часть городской территории... городскую территорию, ограниченную условиями пешеходной доступности и узнаваемой социальной практики (Identified social practice), предлагается называть «крупным» или (по-гречески) «макро-пространством» [10, с.3]. Данная типология перекликается с типологией хронотопов, приведённой нами выше. Многообразие, наложение, «вложенность» описываемых пространств ставит сложные задачи перед архитекторами, местными властями, проектировщиками, социологами, культурологами и др.

Для многих российских городов в последние десятилетия характерна также гетерохронность («разновременность») урбопространства, – различия во времени постройки кварталов создают как бы машину времени (эффективность которой существенно снижается из-за однотипной рекламы и современных моделей машин). Точечная застройка последних лет во многом, конечно, нарушила эту гетерохронную мозаику.

Наконец, крайне различна и среда хронотопов низового порядка (микро-пространств), т.е., индивидуальных домов и квартир, которые могут представлять разные эпохи (или быть достаточно эклектичными, чтобы лежать вне конкретных временных рамок).

Образ города определяет его имидж, а последний – интенсивность туристических потоков. Для его увеличения крупные и малые города используют разные стратегии. Во-первых, создаются «ударные точки» – высотные доминанты» [15, с.16], во-вторых, происходит «...усиление и культивирование специфических городских мест и отличий» [15, с.17]. Можно сказать, что первые принимают участие в создании некоего глобализированного хронотопа, разрушая и

размывая уникальные черты своего, а вторые, напротив, сохраняя присущее им своеобразие.

До определённых границ можно говорить о «конкуренции» хронотопов: городской-сельский, зарубежный-отечественный, латиница-кириллица (в отношении названий на вывесках, рекламы и т.д.), об их смене. Так, А.В.Шабага полагает, что «...практически все социальные хронотопы, будучи по своей природе связаны с изменениями общественной мысли и общественных отношений, были так или иначе предложены обществу. Но далеко не все из них были выбраны» [19, с.163].

Н.А.Балаклеец отмечает следующее: «пространство представляет собой область борьбы различных перспектив, интерпретационных моделей реальности, каждая из которых стремится наделить тот или иной топос собственным смыслом» [4, с.38]. Трансформацию городской среды можно уподобить борьбе хронотопов, при этом сами они претерпевают изменения, в них на разных уровнях вклиниваются элементы нового мира, они обрастают дополнительной реальностью. Однако при всём этом городское социальное пространство остаётся *terra nullius* [4], «ничьей землёй», не имеющей законченных очертаний, «мерцающей» с разной частотой (в суточных и сезонных циклах). Это некий синтетический метахронотоп, чьи составляющие отчасти напоминают конструктор; пространство, оживающее при фиксации на нём внимания.

Город способен повысить свою привлекательность в том числе и вследствие того, что будет сочетать несочетаемое, даже если это в какой-то степени пойдёт ему во вред (но экстерналии будут локальными, например, шум и огни «ночной жизни» становятся проблемой только живущих рядом с её очагами). Иначе говоря, повышая своё разнообразие, город увеличивает свою многоликость и в каком-то смысле лицемерно (примеряя многие лица) угождает всем (в параллельной – экономической подсистеме – происходит примерно то же). Конечно, большая часть данного разнообразия должна находиться в «тёплой», «топофильной» зоне.

С этих позиций причины миграции можно рассматривать как желание найти «свой хронотоп», а, как правило, чем крупнее город, тем больший потенциал у его хронотопа.

Очевидно, что в городе, представляющем собой «библиотеку культуры», плотность форм, знаков, символов крайне высока и уже в силу это формируются новые смыслы в их сочетании. Отчасти и искусство (литература, кино) находят отражение в этих знаках, ведь «...воображаемое пространство текста, его художественный мир вещественно «отпечатываются» на местности. Место текстуализируется» [1, с.102]. Просвет между двумя слоями (физическим и текстовым) сокращается. Реальное социально-

географическое пространство города сближается с воображаемым социокультурным пространством.

В.С.Вахштайн пишет в связи с этим о возможности преодоления «...пропасти между множествами элементов «Город» (X) и «Язык» (Y)», в результате чего определённое место города можно рассматривать как «...совокупность элементов «Z», часть из которых материальны, а часть – нет, но все непосредственно связаны друг с другом» [6, с. 33].

Подводя итоги, следует отметить следующее. Хронотоп является своего рода объёмным картоидом. Это картирование индивидом социального, абстрактного пространства. Такого рода картоиды представляют некий интерес, однако их особенности занимают относительно узкое и обособленное направление ментальной географии. Понятие хронотоп едва ли закрепится в географическом дискурсе, в том числе и потому, что географии больше интересны пространственные отношения и структура «ячеек» пространства, чем их содержимое, которое отбрасывает в абстрактное социальное пространство свою хронотопическую проекцию.

С другой стороны, взаимопроникновение условного социального пространства и пространства социально-географического заставляют учитывать хронотопический фактор в локальных географических исследованиях. Тем не менее, в их рамках представляется насущной разработка другого языка, в большей степени ориентированного на системные свойства прежде всего городской среды.

Список литературы

1. Абашев, В. В. Фирсова, А. В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 4. – С. 98–104.
2. Акимова Т.И. Дача в русской литературе как концепт, хронотоп, образ // Горизонты цивилизации. 2010. № 1. – С. 11–13.
3. Балаклеец Специфика российской идентичности: Россия как пространство потенциального // Вестник УлГТУ. 2014. №2. – С.23–26.
4. Балаклеец Н.А. Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. – С. 38–42.
5. Быкова М.А. Урал как остров сокровищ. Стратегии массовой литературы в романах С. Алексеева, А. Иванова, О. Славниковой // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2012. № 4. – С. 17–22.
6. Вахштайн В.С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. – С. 9–38.

7. Дырдин А.А. Волжский хронотоп в прозе и публицистике Андрея Платонова // *In Situ*. 2015. № 3 (3). – С. 90–93.
8. Звягин С.А. Морское наследие как хронотоп и ключ к познанию пространства русского севера // *Актуальные направления научных исследований: от теории к практике*. 2015. № 3 (5). – С. 338–341.
9. Кафтанжиев Х. Хронотоп – знаки времени и пространства в рекламе // *Ценности и смыслы*. 2010. № 1. – С. 91–100.
10. Крашенинников А.В. Макро-пространства городской среды // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2016. № 3 (36). – С. 12.
11. Лядова А.А., Преображенский Ю.В. Развитие квест-индустрии в России: пространственные аспекты // *Вестник ТвГУ. Серия "География и геоэкология"*. 2017. № 2. – С. 81–92.
12. Моисеев Ю.М. Управление образом города: структуры неопределённости градостроительной политики // *Архитектура и строительство России*. 2013. № 9. – С. 14–29.
13. Морская Л.Ю. Символика островного пространства в литературе // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2014. Т. 14. № 3. – С. 112–115.
14. Преображенский Ю.В. Подходы к выявлению внутреннего разнообразия территориальных общественных систем на локальном уровне. // *Геопоиск-2016: Материалы I Всероссийского конгресса молодых ученых-географов, Тверь, 3-9 октября 2016 г.* // *Тверской государственный университет*. – Тверь: Изд-во ТвГУ, 2016. – С. 553–560.
15. Птичникова Г.А., Антюфеев А.В. Имидж современного города и его архитектурный образ // *Социология города*. 2015 № 3. – С. 5–21.
16. Ткаченко А.А. Социальное пространство крупного города: концептуальные основы исследования // *Городское пространство: социально-географические подходы: Сборник научных трудов / Под ред. А.А.Ткаченко / Научная серия «География и региональное развитие»*. Выпуск 2. – Тверь, 2002. – С.3–16.
17. Туркина В.Г. Языковое пространство города: вербальные и невербальные контексты // *На путях к новой школе*. 2010. № 1. – С. 124–128.
18. Фаликова Н.Э. Хронотоп как категория исторической поэтики // *Проблемы исторической поэтики*. 1992. Т. 2. – С. 45–57.
19. Шабага А.В. Социальный хронотоп и особенности его влияния на идентичность исторического субъекта // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2009. № 3. – С. 163–173.
20. Шестакова Э.Г. Гетеротопия - рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект // *Критика и семиотика*. 2014. № 1. – С.58–72.

THE CHRONOTOP IN MODERN GEOGRAPHICAL DISCOURSE

Yu.V. Preobrazhenskiy

Saratov state University, Saratov

The concept of chronotop is analyzed from the point of view of its relationship to geography. The typology of chronotopes is proposed. The perception of cities as chronotop is considered.

Keywords: *chronotop, socio-cultural direction in the study of the city, literary criticism, socio-geographical space of the city, social space the diversity of the urban environment*

Об авторе:

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Юрий Владимирович – к.г.н., доцент, кафедра экономической и социальной географии СГУ им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: topofag@yandex.ru